

УДК 94(470.6)

UDC 94(470.6)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС И РАЗРУШЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО СОЗНАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

SOCIO-POLITICAL CRISIS AND DESTRUCTION OF THE TRADITIONAL CONCIIOUSNESS OF THE POPULATION OF THE NORTH CAUCAUS DURING THE CIVIL WAR

Семенов Александр Альбертович
д.и.н., профессор
Армави́рский механико-технологический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет», Армавир, Россия

Semenov Aleksandr Albertovich
Dr.Sci.Hist., professor.
Armavir Institute of Mechanics and Technology (branch) of FSBEU HPE Kuban State Technological University, Armavir, Russia

В данной статье рассматриваются общественно-политические события гражданской войны в регионе Северного Кавказа и исследуется их влияние на повседневную жизнь и общественное сознание населения края. Автор анализирует процесс разрушения традиционного сознания северокавказского социума, который нашел свое выражение в кризисе всей системы ценностей и мировоззренческих ориентиров населения региона. В статье также рассматривается процесс распада системы традиционных ценностей в годы гражданской войны и формирование новой, ставшей порождением кризисного исторического времени

The social and political events of the civil war in the North Caucasus region are considered in the given article. Their influence on the daily life and social consciousness of the region population is investigated. The author analyzes the process of destruction of the traditional consciousness of the North-Caucasian society, which finds its expression in the crisis of the whole system of values and ideological orientations of the region population. The process of dissolution of the traditional values during the Civil War and development of the new one, which has become a product of the crisis historical time, is also considered in the article

Ключевые слова: РЕВОЛЮЦИЯ, ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, ТРАДИЦИОННОЕ СОЗНАНИЕ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС, СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ, МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Keywords: REVOLUTION, CIVIL WAR, TRADITIONAL CONSCIOUSNESS, SOCIO-POLITICAL CRISIS, SYSTEM OF VALUES, DAILY LIFE, LEGAL CONSCIOUSNESS, IDEOLODGY

В годы гражданской войны население Северного Кавказа столкнулось с многочисленными изменениями, происходящими в различных сферах общественной жизни. Политический кризис и развернувшееся гражданское противостояние в крае привели к изменению всего образа жизни, быта и повседневного существования населения региона. Исходя из этого, кризис традиционного сознания северокавказского общества рассматривается в контексте событий гражданской войны, исследуется взаимосвязь данных событий с различными явлениями общественной жизни, в том числе и кризисом традиционных устоев регионального сообщества, нашедшего выражение в

разрушении традиционной системы ценностей, дезориентации сознания, трансформации моральных и нравственных норм населения региона.

Данная статья посвящена проблеме изучения влияния общественно-политических перемен и военных конфликтов на традиционное общественное сознание населения России. Ее актуальность обусловлена тем, что в период перехода от одной общественно-политической модели существования социума к другой наблюдается значительное число явлений кризисного порядка, вызванных сложностью данного перехода и невозможностью как общества в целом, так и отдельных его представителей достаточно быстро перестроить свое сознание в соответствии с новыми общественно-политическими и социально-экономическими реалиями.

Как правило, сознание общества отстает от тех экономических, социокультурных и социально-политических преобразований, которые наблюдаются в глубинах общественного организма и с большим трудом приспосабливается к происходящим переменам. Подобный процесс перестройки массового сознания, переход его на качественно новый уровень в соответствии с изменившимися общественными реалиями отмечался в период гражданской войны в России, когда происходило разрушение прежних ценностей общественного бытия, картины мира, прежнего мировосприятия и мировоззрения, наблюдалась смена идейно-политических и правовых установок и ориентиров.

Данные перемены повлекли за собой полномасштабный кризис традиционного сознания и всех тех его основ, на которых существовало традиционное российское общество. Указанные проявления кризиса массового сознания стали отмечаться и в современной России в период всеобъемлющих социально-экономических реформ и перехода от одной общественно-политической системы к другой.

Особенно сильно данный кризис проявляется в отдаленных частях страны на окраинах, в которых перемены, как правило, запаздывают и происходят значительно дольше, чем в центре страны, и наиболее болезненно. Именно там сохраняется значительный пласт консервативных ценностей и установок, а основы социальной жизнедеятельности, покоятся на устоявшихся за много десятилетий идеях и принципах. Таковым регионом, на наш взгляд, является Северный Кавказ, который представлял собой и в годы гражданской войны, как, впрочем, и сейчас, один из наиболее консервативных и мало восприимчивых к общественно-политическим переменам регион, в котором всегда достаточно сильны были установки традиционного сознания.

Перемены в нем происходили наиболее болезненно, с большими человеческими и материальными издержками, кроме того, они принимали характер затяжного процесса, в ходе которого наблюдалась в народном сознании и временная эвокация традиционных ценностей, и их последующий распад, и их смешение с новыми идеями и принципами. Все это до предела обостряло обстановку в крае, внешним проявлением этого становились многочисленные, возникающие перманентно, противоречия и конфликты в различных сферах общественной жизни, а также между основными социальными и национальными группами и слоями регионального социума. Необходимость анализа данного кризисного опыта общественной жизни, на наш взгляд, позволит избежать многих издержек в процессе современной модернизации региона уже в новейший исторический период, связанный со становлением новой России как правового и демократического государства.

С началом революционных потрясений и гражданской войны в России обострился кризис традиционного общества, достигнув в этот период своего апогея. «Много времени тянется война, многие успели уже позабыть про ее начало, не знают даже, из-за чего без устали льется

человеческая кровь, зачем грабят села и города, почему уничтожается добро и обрекается народ на голод и холод» [1]. Возникновение тенденций кризисного развития общества началось задолго до событий гражданской войны, и диктовалось все логикой исторического развития России во второй половине XIX – начале XX вв. Происходящие в стране на протяжении последних десятилетий социально-экономические, политические, социокультурные процессы постепенно приводили к тому, что размывались все основы традиционного российского общества и государства. Под влиянием необратимых социальных перемен менялось также и сознание населения страны. «Идеи управляют миром, но мы не должны забывать, что идеи осуществляют люди. И нам на нашу долю выпала священная обязанность быть проводником тех идей, которые мы исповедуем» [2].

Произошедшие перемены трансформировали практически все сферы существования человека традиционного общества. Не стал в данной связи исключением и регион Северного Кавказа, в котором, несмотря на его специфические отличительные особенности, также наблюдались изменения, характерные для всей России. По мере развития здесь кризисных процессов, связанных с распадом традиционного российского общества и государства и его переходом к новой общественно-политической модели, в региональном социуме наметились кризисные черты, которые в значительной мере трансформировали традиционное сознание и вели к необратимым изменениям в глубинах регионального социума.

Эти перемены, так же как и на остальной части страны, коснулись всех аспектов жизнедеятельности человека и обусловили начало процесса формирования общества нового типа, в котором традиционные ценности и ориентиры оказываются отброшенными и на смену им приходят ценности новой исторической эпохи. Происходящие в это время перемены были

вызваны, с одной стороны, общероссийскими процессами, а с другой – характером социокультурных изменений в самом региональном социуме.

Постепенно они затронули все стороны социальной жизни Северного Кавказа. Так, значительные изменения наметились в сфере трудовых отношений. В ней происходил процесс разрушения всей прежней системы организации труда, и на смену ей приходили новые формы трудовой деятельности, связанные с милитаризацией, военным временем и принудительными методами функционирования как промышленности, так и сельского хозяйства, а также других сфер экономической жизни края. «Правительственная система и практика местной власти в отношении к деревне вызвала упорнейшее сопротивление векового уклада жизни... сопротивление проявилось в сжатии крестьянского хозяйства до потребительских норм, что угрожало неисчислимыми бедствиями» [3]. Положение дел в данной сфере определялось чрезвычайными обстоятельствами гражданского вооруженного конфликта, действиями противостоящих в нем военно-политических лагерей, факторами милитаризации и регламентации.

Вслед за сферой труда менялась и бытовая сфера. Быт в этот период также приобрел кризисные черты, связанные с масштабными социально-политическими потрясениями и начавшимися военными действиями. Так, например, А.Г.Шляпников в своих воспоминаниях отмечал: «Одновременно с поисками помощи грозненские рабочие стали... на путь организации вооруженной самообороны. При помощи технических сил и средств предприятий город был обнесен проволочным ограждением, по которому в минуту опасности пускался электрический ток. Были вырыты окопы, пулеметные гнезда и устроены другие оборонительные сооружения. Эти мероприятия помогли рабочему населению сохранить жителям свою жизнь и свой скарб» [4].

Главной задачей существования целых социальных слоев и классов теперь становится задача выживания в период политических потрясений и экономической разрухи, приспособление к изменившейся социальной реальности, которая под влиянием вооруженного гражданского конфликта видоизменялась коренным образом на протяжении относительно короткого исторического времени. Вследствие этого само существование человека в рассматриваемый период приобрело кризисные черты и характеристики.

В данный период наблюдается внутренний кризис традиционного общества: и отдельный человек, и целые социальные сообщества теряют ориентиры во внешнем мире. В значительной мере изменяются представления о пространстве-времени окружающего мира, о своем месте в нем. Если раньше пространство воспринималось человеком как ограниченно-локальное, заключенное в рамках его жизненного горизонта в пределах округи, края, региона его непосредственного проживания, то в годы гражданской войны оно обретает совершенно новое социокультурное измерение. Отдельный человек и целые социальные сообщества, классы начинают существовать в совершенно новых пространственных границах. Они расширяются до пределов всей страны. «Алчному и наглому господству хищников должен быть положен конец. Братья! Долго ли нам придется молча страдать и терпеть, гибнуть от пуль на полях сражений... Пусть мощный голос работников далеко разнесется по России, и за ее пределами, всколыхнет измученные, истерзанные сердца миллионов забитых искалеченных людей, пробудит их в борьбе за благо и счастье обездоленных» [5]. В ней наблюдается социальная борьба и противостояние различных социально-политических сил и классов. «За одно мы все должны воевать, за то...чтобы была земля у мужика, чтобы все были свободны, чтобы не было разбоев и убийств, чтобы никто не насиловал твоей совести» [6].

Возникают также новые представления о времени, которые разрушают те временные, хронологические ориентиры, которые существовали в российском обществе в историческом прошлом. Это уже невременное раздельное существование различных социальных слоев, общин и этносов, это общее историческое время грандиозных перемен и свершений которые включают в себя те события и явления, которые происходят «здесь и сейчас» и изменяют всю мировую историю, историю существования целых народов и стран. Возникает представление о всеобщем общечеловеческом времени, реализующем себя в революционных переменях в России, а вся мировая история рассматривается как борьба разнонаправленных социальных и политических сил, в которой участвуют представители всех народов, где бы они ни находились. «Все граждане и рабочие...дабы избавиться от ига капиталистической разрухи, навсегда немедленно должны встать в ряды Социалистической Вооруженной Армии и защищать интересы трудового народа всего мира – будь то поляк, литовец, латыш, эстонец, мадьяр, немец, француз и т. д.» [7].

Эта борьба, являлась, с одной стороны, завершающим этапом всей мировой истории, а с другой – новым временем человеческой цивилизации, принципиально новой эпохой, в рамках которой, как надеялись ее современники, будут решены основные проблемы общественного и социального развития всего человечества. Так, в «Воззвании бойцов 290 стрелкового полка Красной Армии к населению края» от 7 августа 1919 г. говорилось: «Не думайте, что если сейчас идет борьба, то она необходима только для отдельных лиц, нет. Завоевание власти, рабочих и крестьян, победа над царскими приспешниками, это есть интересы каждого трудящегося и страждущего из нас...» [8]. Таким образом, это было сакральное пространство и время всего человечества, в которое включен и отдельно взятый регион, и «обычный» человек. В какой

бы части России он ни находился, он становился участником грандиозных исторических и политических процессов, которые до неузнаваемости изменяют облик «старого» мира.

Следствием этого стало возникновение в общественном сознании, в период гражданской войны, новых символических образов, которые в исследуемый промежуток времени приходят на смену старым, отжившим свой век. Они были связаны с всеобщей борьбой за социальное переустройство или, как в случае с антибольшевистским движением, с восстановлением прежнего мира, с сохранением системы устоявшихся ценностей. «Вы спрашиваете, за что мы воюем? Мы воюем за то, чтобы...не смели трогать наши святыни в Москве. Мы воюем за то, чтобы русскому человеку жилось в России хорошо, чтобы он имел собственную землю и свой дом» [9]. В рамках этих новых представлений в годы гражданской войны возникали новые образы власти, социальных сил, отдельной человеческой личности и ее месте в политической и социальной жизни общества.

В процессе их формирования разрушалась прежняя система религиозных мифологем и символов, которые доминировали в традиционном общественном сознании. Их значение в обществе существенно снижалось, и на смену им приходили символы новой исторической эпохи, в которой главное место отводилось уже не религии и божественному промыслу, а самому человеку, который предлагал свой план переустройства окружающего мира на рациональной, материалистической основе. Исходя из этого, в рассматриваемый период возникала, по существу, новая вера, вера во всемогущество самого человека, который в состоянии решить все существовавшие общественные проблемы и противоречия без помощи Бога и который сам является хозяином своей судьбы. Поэтому важным элементом трансформации традиционного сознания в годы гражданской войны был начатый новой

властью процесс разрушения религиозного сознания как основы традиционного общества и государства. Ведь религия и церковь своим существованием препятствовали распространению марксистских идей и строительству нового мира. «Местная Советская власть устраняет или обязует соответствующих лиц, устранить из храмов и др. молитвенных домов, составляющих народное достояние, все предметы, оскорбляющие революционное чувство трудящихся масс, как то: мраморные или иные доски, надписи на стенах и на богослужебных предметах, произведенные в целях увековечивания памяти каких бы ни было лиц... Ввиду отделения школы от церкви, преподавание каких бы то ни было религиозных вероучений ни в коем случае не может быть допущено в государственных, общественных и частных учебных заведениях... Все кредиты на преподавание религии в школах должны быть немедленно закрыты, и преподаватели религиозных вероучений лишены всякого довольствия...» [10]. Даже у тех, кто в ходе гражданской войны отстаивал религиозные ценности, они существенным образом девальвируются, что также способствовало формированию новой реальности, в которой им уже не находилось места.

Таким образом, в условиях гражданской войны разрушаются опорные символы сознания традиционного общества, и на смену им приходят кризисные образы новой исторической реальности, проявляющиеся в хаотических непредсказуемых поведенческих реакциях как целых социальных слоев и классов, так и отдельных индивидов. Вслед за распадом традиционной системы общественных отношений и социальных связей, существовавших на протяжении столетий, углубляется и мировоззренческий, ценностный кризис внутри общественного организма, и традиционные ориентиры и представления сознания заменяются новыми, отражающими процесс нарастающей социальной хаотизации и распада традиционных общественных структур.

Кризис традиционного сознания наиболее ярко проявился в политической сфере существования социума. Данный период истории характеризовался существенным изменением политической сферы в жизни общества и массовой политизацией населения страны. В предшествующие периоды одной из важнейших черт северокавказского социума, практически всех составляющих его слоев и классов, была аполитичность. Большинство населения региона ранее не только не участвовало в политической жизни, в борьбе различных партий и идеологических течений, но и вообще не имело хоть какого-нибудь осмысленного представления о политике и ее роли и месте в системе общественных отношений. Население края в своем подавляющем большинстве, в своей повседневной жизни не только не интересовалось политикой и не имело никакой ярко выраженной политической позиции, но и всячески, вполне сознательно, ее избегало, считая, что политическая деятельность – это удел высших сословий, образованных классов, к которым оно не имеет никакого отношения.

Кроме того, в регионе в целом были всегда сильны традиционалистские, консервативные и верноподданнические настроения, поскольку в нем, в своем большинстве, не существовало тех проблем и противоречий социального, политического свойства, которые были характерны для остальных частей страны, или, во всяком случае, здесь они носили весьма специфический характер. Все это послужило причиной того, что с началом революционных преобразований большинство представителей консервативного, охранительного течения в российской политической жизни видело данный регион в качестве возможной социальной базы консервативных сил и течений, целью которых являлось недопущение революционных перемен на остальной территории России. Его население, в частности казачество, представлялось им надежной опорой в деле сохранения традиционной государственности и тех

традиционных ценностей. Так, генерал Деникин в своем письме генералу Алексееву отмечал «наличие в политической среде региона неопределенного процесса самообразования, естественно продолжающегося периода благоприятного для возникновения новых политических комбинаций... кристаллизации обратной дифференциации общественных групп» [11].

Однако данным надеждам не суждено было сбыться, по крайней мере в такой форме, как об этом мечтали консервативно настроенные круги бывшей российской элиты и офицерства. По мере стремительного распада традиционного российского общества и государства после февраля 1917 г. процесс социально-политической трансформации стал набирать силу и в регионе Северного Кавказа. Здесь также происходило разрушение традиционной общественной организации и институтов, устоявшейся системы социальных взаимоотношений. Наблюдалась массовая политизация различных слоев общества. Постепенно традиционалистские политические представления и ориентиры в общественном сознании все больше размывались и на смену им приходили новые, модернизационного плана, основанные на пропагандируемых различными политическими партиями и силами идеях и политических концепциях.

С началом революционных преобразований политика и различного рода идеологические концепции стали проникать в широкие народные массы населения края. Массовая политизация стала характерным признаком того времени. Так, например, сильное влияние на население Северного Кавказа оказали вышедшие в свет документы Советской власти – «Декларация прав народов России», Обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» [12]. В данное время поступки и деятельность человека в реальной действительности во многом определялись политическими мотивами и предпочтениями. В регионе

Северного Кавказа ни один общественный слой не избежал массовой политизации, новые политические взгляды и идеи распространились во всех слоях общества, окончательно разрушая ценности и ориентиры традиционного сознания. «Так население некоторых станиц выступило за упразднение всякой частной собственности и наделение всех неимущих землей» [13].

Следствием этого стало возникновение новых разделительных линий и противоречий в обществе, между различными его слоями и классами. В социальной среде возникало стремление разрешить назревшие проблемы и противоречия силовым путем. Так, «в качестве предварительных мероприятий населением Кубани предусматривалось «выселить... всех бывших помещиков и нетрудовых арендаторов из имений и взять последние в свои руки; земельные отделы Советов должны приравнять в правах на землепользование к общинникам всех граждан, живущих в пределах данной местности» [14].

Больше того, поскольку регион изначально обладал достаточно сильными традиционалистскими характеристиками, процесс общественной и политической модернизации здесь происходил наиболее болезненно и с большими социальными издержками, чем в других частях страны. На протяжении всего периода гражданской войны в крае были достаточно сильны и позиции неоконсерваторов, традиционалистов, желающих и далее сохранять устоявшийся общественный социально-экономический уклад и образ жизни, и позиции этнореволюционеров, желавших здесь проведения таких же преобразований, как и на остальной территории страны. Так, в Чечне и Ингушетии, где еще в 1917 г. знали понаслышке большевиков, весной 1918 г. наметилась борьба двух группировок: националистической и сторонников признания новой центральной государственной власти. «Говорят, – отмечалось на Пятигорском съезде, – что последняя имеет большой успех и должна

победить» [15]. Исходя из этого, в условиях гражданской войны раскол в региональном социуме достиг значительного масштаба и стал причиной острых социальных конфликтов, нашедших выражение в практике всеобъемлющего насилия в ходе гражданской войны.

Значительную роль в наступлении полномасштабного кризиса традиционного сознания в регионе, нашедшего выражение в изменении политических взглядов и ориентиров проживающего здесь населения, сыграла деятельность тех политических сил и течений, которые сформировались за его пределами, но которые вместе с тем оказывали значительное воздействие на региональную политическую среду. Нередко в своей деятельности они опирались исключительно на насилие. Так, Циркулярная инструкция (имеется в виду директива Оргбюро ЦК от 24 января 1919 г.) парторганизациям и телеграмма Колегаева (член РВС и председатель Особой продовольственной комиссии Южного фронта) о необходимости террора по отношению к казакам и беспощадном их уничтожении распространялись казаками в качестве агитационного воззвания. Трифионов отмечал, что лучшего материала против коммунистов трудно придумать [16]. В скором времени те кризисные тенденции деградации традиционного общества и государства, которые господствовали в Центральной России, проникли и на территорию края, а политическая борьба, начавшая в центре страны, стала все больше проявляться и в его пределах. Общероссийские военно-политические силы в лице различных партий, движений, а позже и военно-политических лагерей во многом использовали территорию и население края для разрешения главного общероссийского вопроса – вопроса о характере политической власти в стране. Так, в ходе карательных акций развязанного секретарем Донбюро РКП(б) Сырцовым террора только в Вешенском районе было расстреляно 600 человек. Не отставали и другие ревкомы [17]. Ошибочным было и решение о переселении крестьян из Центральной

России на земли казаков. Так, по декрету Совнаркома от 24 апреля на Дон переселялась беднота северных губерний: Петроградской, Олонецкой, Вологодской, Череповецкой, Псковской и Новгородской. Первые сотни переселенцев Петроградской губернии прибыли в мае. Предполагалось их расселение в Котельниковском и Усть-Медведицком районах. Переселенцы были вырезаны казаками [18].

Гражданское противостояние в крае приняло самые ожесточенные формы. Так, А.В. Туркул вспоминал: «Все ожесточели. Все знали, что в плен нас не берут, что нам нет пощады...» [19]. Все это оказывало мощное воздействие на всю систему социальных связей, на настроение и политические ориентиры населения, делая регион во многом заложником действий внешних сил. Следствием этого стало фундаментальное изменение представлений и ориентиров традиционного сознания населения края, нашедшее выражение в крайней степени политизации всего регионального социума и составляющих его социальных слоев и классов, в особенности казачества. Оно выступало за самостоятельность, против вмешательства в региональные дела любых внешних сил. Так, в воззваниях казаков Дона и Кубани тех лет говорилось: «Временное правительство через своих комиссаров, а потом приходившие к нам первые большевики захватывали власть на Кубани и делали с нами, что хотели, опять-таки хозяевами были пришлые, а не мы – кубанцы, и понятно – нам не могло житься хорошо. Пришли генералы: Корнилов, Деникин, Алексеев и другие и также постарались сделаться хозяевами нашего края и делали с нами и нашим добром, что хотели. Были унесены пришельцами во имя чуждых нам интересов десятки тысяч лучших кубанских жизней и расхищено несметное количество Кубанских богатств, и все это только потому, что хозяевами края были не мы – кубанцы, а пришельцы» [20].

На всем протяжении исследуемого периода человек в нем даже в самых обыденных проявлениях социальной жизни, в своей повседневности, начинает руководствоваться социально-политическими мотивами и целями. Общество вступает в состояние полномасштабной аномии и тотального распада, связанного с разрушением прежней общественно-политической реальности и формированием новой, уже иной исторической эпохи, в которой политическим образам традиционного сознания уже не было места.

Важной частью разрушения традиционного сознания в годы гражданской войны было разрушение правовых представлений и норм, ранее существовавших в обществе. В отличие от других аспектов распада традиционного мировосприятия и миропонимания, трансформация правовых представлений имела далеко идущие последствия для всей системы общественных связей. Она видоизменяла традиционные, существовавшие на протяжении веков нормы человеческого общежития и характер отношений между индивидами в социуме. Этому обстоятельству способствовало в том числе и широкое участие населения региона в военных действиях на фронтах как внутреннего, так и внешнего вооруженного конфликта. Так, только к октябрю 1917 г. из сельской местности Северного Кавказа в армию было призвано 377 100 человек, из них в Кубанской области 159 000, в Терской 55 400, Ставропольской 154 700 и Черноморской 7 200 человек» [21]. То, что на протяжении целых исторических эпох считалось общепринятым, в период Первой мировой и гражданской войны оказалось отброшенным. В 1917 г. в регионе распространились новые правовые представления, которые теперь определяли поведение человека в стремительно меняющемся мире, в мире, в котором деградировала прежняя система ценностей, представления о праве, обязанностях и своем гражданском и профессиональном долге.

Значительное влияние на данную метаморфозу оказала сама реальность вооруженного противостояния, в рамках которого были утрачены все существующие ранее представления о морали, нравственности, адаптивном поведении в социуме. Как отмечал в своих воспоминаниях Н. Сегеда, «власть, как таковая, находилась в руках любого взявшего себе право казнить и миловать по своему усмотрению» [22]. В данный период произошла эвокация самых древних архетипов массового сознания, связанных с борьбой за выживание в неблагоприятной социальной среде, с практикой всеобъемлющего социального насилия, межсословной, классовой борьбой, с глубокой ненавистью ко всему тому, что не соответствовало представлению общества о правильном и понятном.

Масштабный кризис, развивающийся в социуме, перевернул всю систему ценностных, правовых координат составляющих его индивидов. То, что считалось раньше невозможным, аморальным, преступным теперь стало не только допустимым, но и превратилось в составную часть существующей общественно-политической реальности, в рамках которой реализовывались самые древние рудиментарные инстинкты. Само восприятие массовым сознанием происходящих в окружающем мире перемен рождало социальную дихотомию «мы и они», закрепленную в лозунге, распространенном в период гражданской войны: «кто не с нами, тот против нас». «Война... враг со всех сторон. Кто друг, кто недруг неизвестно. От родных далеко и тыла нет. Нет милости к побежденным... Воздух насыщен злобой и ненавистью» [23]. Все это по существу означало войну внутри самого общества, его саморазрушение, войну всех против всех, в которой не было побежденных и победителей и от которой страдали все слои социума, а разрушению и деградации подвергались все существующие общественные структуры и все сложившиеся веками формы традиционного общественного бытия. «Много времени тянется

война, многие успели уже позабыть про ее начало, не знают даже, из-за чего без устали льется человеческая кровь, зачем грабят села и города, почему уничтожается добро и обрекается народ на голод и холод...» [24].

В этот период возникли новые правовые представления и образы общественного сознания, в соответствии с которыми насилие в обществе превратилось из чего-то чрезвычайного, экстремального и недопустимого в непременный атрибут общественной жизни, повседневной реальности, с помощью которого решались существующие проблемы и противоречия, обеспечивалась защита своего класса, клана, этнической группы. «...Если в прошлом и занимался грабежами, то исключительно грабил только богатых» [25]. Данные изменения отражали те правовые нормы и положения, которые были приняты на территориях, контролируемых различными правительствами и системами власти в регионе Северного Кавказа. Отличаясь друг от друга по форме, они были абсолютно идентичны по содержанию. Повсеместно они включали в себя элементы, не совместимые с традиционным правом и традиционной общественной моралью, являясь порождением периода всеобщего распада.

Действующие в регионе военно-политические силы наряду с кризисными реалиями повседневной человеческой жизни сами формировали такую правовую среду в обществе, в которой действия, считавшиеся ранее с точки зрения традиционного сознания преступными и аморальными, становились обыденными. Один из командиров действующей на Кубани Зеленой армии, Макаров, отмечал: «И вот на глазах у жителей вожди той Зеленой армии, в которую так горячо верили граждане, стали открыто заниматься убийствами, грабежами, налетами и т. п.» [26]. В крае стало поощряться доноительство, распространялась ненависть к своим политическим и социальным противникам, регламентировалось и одобрялось применение различного рода насилия против них. Возникали новые юридические и правовые формулы, которые

с трудом можно назвать таковыми, поскольку формировавшиеся в горниле гражданской войны, они обуславливали возможность совершения преступных действий на, казалось бы, вполне легальной, правовой основе.

Новые правовые нормы не только закрепляли такой порядок, они требовали его неукоснительного проведения в жизнь и принесения на алтарь социально-политической борьбы тех семейных, нравственных, этических ценностей, которые сформировались в предшествующие периоды исторического развития общества. На смену им приходили принципы политической, идеологической, социальной целесообразности. Они-то и определяли характер новых правовых представлений в обществе и всю систему этико-правовых отношений в нем, а также характер повседневного взаимодействия и взаимоотношения в его рамках как отдельных индивидов, так и целых социальных сообществ.

В регионе Северного Кавказа в силу особой остроты гражданского вооруженного конфликта на его территории и существования здесь самых различных военно-политических сил и лагерей размывание традиционных правовых представлений и ориентиров происходило значительно более быстрыми темпами и захватывало практически все слои Северо-Кавказского общества. С началом гражданской войны в крае здесь набирала силу классовая и социальная рознь, имущественные противоречия, этнические и межобщинные конфликты. Позднее она вылилась в вакханалию насилия в социуме и в постоянную борьбу составляющих его отдельных индивидов и целых социальных структур за доминирование в системе социальных связей. Все это, вместе с использованием практики масштабного насилия, приводило к многочисленным эксцессам и катаклизмам регионального масштаба, превращая региональное противостояние в конфликт криминализированных миров, в котором каждый отстаивал свои цели и интересы любыми средствами, мало заботясь о благе окружающих. Так, в

письме, направленном из действующей в регионе армии, в штаб А.И. Деникина есть такие строки: «Некоторые войсковые части не останавливаются перед грабежом частного достояния мирного населения, захватывают вагоны, груженные товарами торговых фирм, грабят склады и магазины, врываются в частные квартиры, отбирают у обывателей дорогие и другие вещи, и даже нательное и постельное белье. При таких условиях, войска, вступающие на освобожденную ими от большевиков территорию..., вместо восстановления порядка и законности, несут новые ужасы, ... сказанное в достаточной степени рисует ту беспросветную картину грандиозных грабежей и хищений, ту вакханалию стихийного произвола и самоуправства, которые неизменно стоят на всей прифронтовой полосе...» [27]. Повсеместное разрушение существовавших ранее правовых норм и представлений повлекло за собой трансформацию правового сознания населения, нашедшую выражение в самых неадаптивных, криминальных проявлениях человеческой природы.

Итогом данного процесса стало масштабное социальное противостояние в крае, которое вело к уничтожению многочисленных политических и социальных оппонентов, целых социальных групп и общественных слоев. Оно оказало определяющее воздействие на последующие исторические периоды по завершению гражданского вооруженного конфликта и по существу сформировало систему новых, отличающихся от традиционных, правовых и нравственных координат, моральных представлений и этических норм, которая своими корнями уходила в период общественного распада и всеобщего хаоса. В ходе гражданского противостояния не было предусмотрено никаких компромиссов, и принятые в обществе в это время новые правила игры носили в себе отпечаток деградации и дегуманизации общественных отношений.

Литература

1. ГАСК.Ф.1019.Оп.1. Д.63.Л.22.
2. ГАКК. Ф.1542. Оп.1. Д.14. Л.4.
3. Деникин А. И. Очерки русской смуты: Белое движение и борьба добровольческой армии. Май – октябрь 1918. Мн.: Харвест, 2002. с. 17.
4. Шляпников А. Г. За хлебом и нефтью // Вопросы истории. 2002. №11. С. 175.
5. ГАКК. Ф. Р – 411. Оп.2. Д.363. Л.16.
6. ГАСК. Ф.134. Оп. 1. Д.3. Л. 14.
7. Кубанская правда. 1918. 24 мая. С.1.
8. ГАКК. Ф. Р – 411. Оп.2. Д.239. Л.130.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп.66. Д. 75. Л.2.
10. ГАРО. Ф. 1220. Оп.1. Д.1. Л.39.
11. Первый Кубанский поход. Февраль 1918г. // Часовой. № 101. Париж, 1933. С.25 –26.
12. ГАКК. Ф.Р-742. Оп.1. Д.1. Л. 182 об.
13. ГАКК. Ф.Р-11. Оп.2. Д. 307. Л. 5.
14. ГАКК.Ф.Р-411.Оп.2.Д. 291. Л. 82.
15. Съезды народов Терека. Сб. документов и материалов. Орджоникидзе, 1977. Т.1. С. 217.
16. ГАРФ.Ф.130.Оп.3.Д.363.Л.77-81.
17. ГАРФ.Ф. 130.Оп.3. Д.313. Л.48-49.
18. ГАРФ.Ф. 130.Оп.3. Д.313. Л.49.
19. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Мюнхен, 1948. С.9.
20. ГАКК. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 673. Л. 186.
21. Россия в Мировой войне 1914 –1918 гг. М.,1925. С.49.
22. Сегеда Н. Наши агенты от милиционера до наркома. Воспоминания белого разведчика. // Родина.1990. № 10. С.65.
23. Первый Кубанский поход. Февраль 1918г. // Часовой. № 101. Париж, 1933. С.25 –26.
24. ГАСК. Ф.1019. Оп. 1. Д.63. Л. 22.
25. ГАКК. Ф. Р – 411. Оп.2. Д.207. Л.3.
26. ГАКК. Ф. Р – 411. Оп. 2. Д.207. Л.22.
27. РГАСПИ. Ф.17. Оп.66. Д.64. Л.132.

References

1. GASK.F.1019.Op.1. D.63.L.22.
2. GAKK. F.1542. Op.1. D.14. L.4.
3. Denikin A. I. Ocherki russkoj smuty: Beloe dvizhenie i bor'ba dobrovol'cheskoj armii. Maj – oktjabr' 1918. Mn.: Harvest, 2002. s. 17.
4. Shljapnikov A. G. Za hlebom i neft'ju // Voprosy istorii. 2002. №11. S. 175.
5. GAKK. F. R – 411. Op.2. D.363. L.16.
6. GASK. F.134. Op. 1. D.3. L. 14.
7. Kubanskaja pravda. 1918. 24 maja. S.1.
8. GAKK. F. R – 411. Op.2. D.239. L.130.
9. RGASPI. F. 17. Op.66. D. 75. L.2.
10. GARO. F. 1220. Op.1. D.1. L.39.
11. Pervyj Kubanskij pohod. Fevral' 1918g. // Chasovoj. № 101. Parizh, 1933. S.25 –26.
12. GAKK. F.R-742. Op.1. D.1. L. 182 ob.
13. GAKK. F.R-11. Op.2. D. 307. L. 5.
14. GAKK.F.R-411.Op.2.D. 291. L. 82.
15. S#ezdy narodov Tereka. Sb. dokumentov i materialov. Ordzhonikidze, 1977. T.1. S. 217.

16. GARF.F.130.Op.3.D.363.L.77-81.
17. GARF.F. 130.Op.3. D.313. L.48-49.
18. GARF.F. 130.Op.3. D.313. L.49.
19. Turkul A.V. Drozdovcy v ogne. Mjunhen, 1948. S.9.
20. GAKK. F. R-104. Op. 1. D. 673. L. 186.
21. Rossija v Mirovoj vojne 1914 –1918 gg. M.,1925. S.49.
22. Segeda N. Nashi agenty ot milicionera do narkoma. Vospominanija belogo razvedchika. // Rodina.1990. № 10. S.65.
23. Pervyj Kubanskij pohod. Fevral' 1918g. // Chasovoj. № 101. Parizh, 1933. S.25 –26.
24. GASK. F.1019. Op. 1. D.63. L. 22.
25. GAKK. F. R – 411. Op.2. D.207. L.3.
26. GAKK. F. R – 411. Op. 2. D.207. L.22.
27. RGASPI. F.17. Op.66. D.64. L.132.